

ИЗ ПЕРЕПИСКИ И. Г. ЭРЕНБУРГА С ЧИТАТЕЛЯМИ-ФРОНТОВИКАМИ

Публикация В. А. Мильман и Л. И. Соловейчика

«Никогда в жизни я так много не работал», — пишет И. Эренбург, вспоминая о годах войны¹. Помимо «Красной звезды», в которой он проработал с первых дней войны до апреля 1945 г., Эренбург выступал и в других центральных газетах, много писал для фронтовой печати, через Совинформбюро давал статьи для зарубежной прессы. «Чуть ли не ежедневно я выступал по радио — и для советских слушателей, и для французов, чехов, поляков, норвежцев, югославов»².

Об исключительной творческой активности писателя может дать представление такая цифра: только в центральной прессе Эренбург выступил за годы войны (по неполным данным) около 700 раз. Не меньшее количество его статей, очерков и заметок помещено на страницах фронтовой печати. Бывали случаи, когда ему в один и тот же день доводилось писать для нескольких редакций.

Как специальный корреспондент «Красной звезды», писатель много разъезжал по фронтам. Он встречался с военачальниками и командирами в штабах, приходил на передовую в блиндажи к пехотинцам, дружил с танкистами, бывал у летчиков, виделся с жителями освобожденных сел и городов, разговаривал с пленными немцами. Вся эта живая связь с фронтом служила постоянным источником, из которого он черпал материал. Еще одним богатым источником были письма — они шли к нему в огромном количестве. «Каждый день я получал десятки писем с фронта, из тыла от читателей», — вспоминает писатель³. И в другом месте своей книги он обращается к той же теме: «...мне казалось, что в этих письмах раскрывается душа народа»⁴.

Таких писем за время войны у Эренбурга накопилось тысячи. Со многими своим корреспондентами он переписывался регулярно. «Переписка с фронтом отнимала у меня время, равное тому, которое я уделял статьям, — сказал как-то в разговоре Эренбург, — потому что письма не только получаешь, на них нужно отвечать, но это как раз действует благотворно».

И впоследствии, спустя десятилетия, писатель продолжает поддерживать связь со своими корреспондентами военных лет. Из Шауляя пишет бывший старшина — танкист Иван Васильевич Чмил, в танк к которому Илья Эренбург был зачислен «почетным гвардии красноармейцем». Из Сибири шлет письма бывший снайпер Гавриил Никифорович Хандогин, пришла теплая телеграмма от собравшихся в Одессе бывших танкистов 4 гвардейской танковой бригады...

Придавая большое значение читательским письмам, Эренбург еще в годы войны решил опубликовать некоторые из них. В 1943 г. он подготовил к печати книгу «Сто писем», снабженную специально написанным предисловием. Эта книжка вышла в Москве на французском языке⁵, она была напечатана также во Франции⁶. Еще до этого издательство «Молодая гвардия» намеревалось выпустить ее на русском языке. Книжка была уже набрана и сверстана, но затем ее исключили из издательского плана.

По окончании войны было опубликовано 30 писем читателей к Эренбургу⁷. Однако в архиве писателя хранятся еще несколько тысяч писем к нему. Из этого огромного

количества мы публикуем 13 писем, главным образом, от читателей-фронтовиков, расположив эти письма в хронологическом порядке. Они дополнены тремя письмами Эренбурга к читателям и его предисловием к книге «Сто писем».

Письма печатаются частью по подлинникам, частью по тексту сохранившейся у писателя верстки книги «Сто писем». Письмо И. С. Лезмана публикуется (с некоторыми сокращениями) по оригиналу, хранящемуся в ЦГАЛИ⁸. В ряде писем сделаны небольшие стилистические и грамматические исправления.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ И. Эренбург. Люди, годы, жизнь. Книга пятая. «Новый мир», 1963, № 1, стр. 68.

² Там же.

³ Там же, стр. 86.

⁴ «Новый мир», 1963, № 2, стр. 127.

⁵ Ilya Ehrenbourg. Cent lettres. Editions en Langues étrangères. Moscou, 1944.

⁶ Ilya Ehrenbourg. Cent lettres. Editions «Hier et Aujourd'hui». Paris, 1945.

⁷ «Писатели в Отечественной войне 1941—1945 гг. Письма читателей». Сост. П. Шамес. М., Гослитмузей, 1946.

⁸ Ф. 618, оп. 14, ед. хр. 361, лл. 23—25.

ПИСЬМА к И. ЭРЕНБУРГУ

1

<30 мая 1942 г.>

Уважаемый Илья Григорьевич!

С неба упала листовка. Мы нашли лишь два экземпляра. Ветер разнес их для деревень, для советских граждан глубокого фашистского тыла. Замечательная листовка, она нам понравилась. Понравилась народу. Эта листовка сейчас нужна для советских граждан захваченных врагами районов. Русские люди уже сотнями страдают от страшной заразы (как вы выражаетесь, — чумных крыс).

Вы нас извините, но нам кажется, не будете возражать, если мы вашу листовку размножим в форме передовой в нашей родной газете «Дновец». Эту газету и другую мы вам высылаем с этим письмом.

Мы рады сообщить вам, что наша подпольная газета, наша тайная лесная типография очень встревожили гестапо и полицию города Дно. Гестапо уже не раз объявляло в своей фашистской газетенке, издаваемой в Дно, что газета «Дновец» № 2 полностью конфискована или «типография „Дновец“ разгромлена, редактор арестован». Появилось и такое объявление: «Объявляется награда за поимку редактора „Дновец“. Живьем — 30 000 марок, кто убьет — 15 000 марок, но со свидетелями». Они разыскивают в районе газету — орган райкома и райисполкома — все поставлено на ноги.

Однако мы никогда не конфисковывались, не арестовывались, а живем и здоровее. Больше того, газета забрасывается нашими агентами даже в кабинеты полиции и гестапо. Так, № 2 газеты «Дновец» был положен на стол под стекло в кабинете начальника местной дновской полиции, предателя Ризо. Он чуть не разбил стекло, придя на работу и увидев у себя на столе нашу газету.

Дорогой Илья Григорьевич! Мы просим вас почаще засылать к нам в тыл ваши листовки. Их любит народ и с интересом читает, обсмеивает фашистов и, больше того, — выполняет то, что в них написано.

Мы будем очень рады, если не откажете нам в регулярной связи. Мы можем сообщать вам интересные факты патриотизма советских людей.

Вот, например, яркий факт: отряд партизан напал на немецкий гарнизон в деревне Ломовка. И когда партизаны подходили к деревне, навстречу им выбежала колхозница

Прасковья Филипповна (ее муж в Красной Армии) и закричала: «Вот мой дом, жгите его, не жалейте — там спят 14 немцев. Бросайте туда гранаты». Затем она рассказала, где находится штаб гвардии, склад и огневые точки.

С помощью этой колхозницы было уничтожено свыше 70 гитлеровцев, взорван склад боеприпасов, захвачены большие трофеи. Ни одна чумная заразная крыса не ушла из деревни. Они были все уничтожены.

Вы пишете в листовке: истреблять чумных крыс — вот первая мера профилактики. Так мы и делаем. За последние два месяца мы уничтожили 2500 гитлеровцев, разбили 13 немецких гарнизонов, 13 дзотов. Вооружились немецкими минометами и пулеметами.

Дновцы — специалисты по паровозам. И вот за последний май месяц мы пустили под откос пять вражеских поездов с живой силой. Им не удалось добраться до фронта.

Немцы бросили сейчас против нас 5000 солдат регулярной армии. Они поставили целью уничтожить нас, захватить советские районы, завоеванные и удерживаемые нами в тылу врага.

Однако 2000 гитлеровцев уже нашли здесь свою могилу. Уничтожить все 5000 — такова наша клятва.

Сердечный партизанский привет из глубокого фашистского тыла

Комиссар 5 партизанской бригады Т и м о х и н
Редактор газеты «Дновец» Ш м о т о в

30.5.1942 г.

Полевая почтовая станция 557, почтовый ящик 24, сектор 25, подразделение 5

2

<2 июля 1942 г.>

Тов. Илья Эренбург! *

Я не писатель, не журналист, а рядовой боец, боец Красной Армии.

Я с детства увлекался чтением. Сейчас, находясь на поле сражения, ежедневно с нетерпением жду газету — зеркало правды и истины. Чуть не в каждом номере встречаю вашу статью. Читаю с волнением. Вот передо мной лежат только что полученные газеты. Быстро раскрываю, ищу статьи знакомых (хотя лично не знаю их) авторов — Алексея Толстого, Заславского, вас и автора маленьких фельетонов Рыклина. Потому что каждая статья вышеуказанных авторов воодушевляет нас. Дает новые силы. Ведет к новым успехам. Самое главное — убеждает в победе.

Одна из таких статей — ваша статья «Июнь»¹. Я несколько раз прочитал ее. В это время перед моими глазами открылся большой экран жизни — хотя я находился в тесной сырой землянке, — сердцем я чувствовал, будто в этот момент сижу в зале Большого театра мира. Перед моими глазами промелькала жизнь казахского народа. Страна бывших пастухов, бродящих в голодной степи. Ныне — цветущий край...

Ваша статья мне напомнила июнь 1941 года, когда я находился в своем родном колхозе Аягузского района, Семипалатинской области, Казахской ССР. Территория этого колхоза до Октябрьской революции называлась «Батпах» (болото). Из гор текла речушка, ее тоже называли Батпах. Никто здесь не жил — считали, что жить нельзя. А сейчас на берегу этой речки новое колхозное село. Около 130 дворов. Громадная школа-семилетка, клуб, красный уголок. При каждом доме — огород, бахча. А ведь до революции казахский народ даже не имел понятия, что такое картошка, помидоры. На замечательных берегах речушки Батпах раскинулось 400 гектаров посевной площади, и колхозники здесь каждый год убирают с гектара более 20 центнеров зерна. На пастбище пасутся более десяти тысяч овец, 600 голов рогатого скота, 700 лошадей. Вот картина Батпаха в июне 1941 года.

* Прошу не обращать внимания на грамматические ошибки моего неряшливо написанного письма. Я нацмен из глубокой степи Казахстана.

И. Г. ЭРЕНБУРГ И РЕДАКТОР «КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ» Д. И. ОРТЕНБЕРГ (справа)
НА ПЕРЕДОВЫХ ПОЗИЦИЯХ

Фотография. Западный фронт (Можайское направление), 1941

Собрание Д. И. Ортенберга, Москва

Я люблю родной край, родной колхоз, родную землю Батпах. Хочу купаться в речке Батпах. Хочу жить после победы над врагом в нашем цветущем колхозе. Но когда жаркая схватка с врагом — я забываю обо всем. Меня волнует одна мысль — разбить, уничтожить палачей. Кипит кровь. Я превращаюсь из простого маленького казаха в большого непобедимого громадного борца. Потом мне самому смешно.

Что такое жизнь? Это большой вопрос. Потому что каждый хочет жить. Но смерть неизбежна. А раз смерть неизбежна, то надо умереть, как герой, как Чапай, чтобы о нас вспомнили наши дети, чтобы они сказали: погиб в героическом бою с фашизмом.

Вы простите, т. И. Эренбург, что я с этим неряшливо написанным письмом оторвал у вас золотое время.

Убедительно прошу, если время позволит, то напишите статью, которая ответила бы на вопрос: что такое жизнь?

Прошу — и мы все просим — передать пламенный красноармейский привет Алексею Толстому. Почему в последнее время перестали появляться в газетах его статьи?

С комприветом

Асхар Лекерев

2 июля 1942 года
Северо-Западный фронт, район Старой Руссы

¹ Статья «Июнь» опубликована в газете «Красная звезда», 1942, № 144, 21 июня.

<25 июля 1942 г.>

Дорогой тов. Эренбург!

Прошу заранее извинить меня за то, что отрываю ваше драгоценное время на чтение моего письма.

Буду откровенен — я мечтал повидаться с вами, пользуясь счастливым случаем пребывания в Москве, но скажу честно — не хватило мужества. Я хотел вам многое рассказать о фронте и кое о чем спросить.

Я команду зенитно-артиллерийской батареей, лейтенант, родом из-под Бердянска, одного из болгарских национальных районов (Коларовский район, Запорожской области). До 1939 года работал в газете: в русской и пять лет в болгарской. Среди болгар прожил около 20 лет. Коммунист с 1939 года. Ну, да это так, между прочим.

Хочу сказать вам как ваш читатель. Быть может, вы полностью не чувствуете, какую большую работу «делают» ваши строки. Я, мой комиссар, мои бойцы и командиры вот уже полгода на протяжении совместной работы не пропустили ни одной вашей корреспонденции. В пути или в лесу под Воронежем — всюду вы наш друг и товарищ. Как только привозят газету, сразу слышится: — Есть что-либо Эренбурга?

Читаем вслух.

Почему мы любим ваши статьи? И любим особой любовью.

А вот почему: вы пишете о том, о чем думает воин. Не все мы умеем выразить то, что думаешь. А люди наши думают. Люди готовы на все жертвы, на любые подвиги. Порой не верится, на что способен человек. Мы любим жизнь, очень любим. Но жизнь на коленях, жизнь раба — не нужна нам такая жизнь.

Я встретил своего односельчанина Димитрова. Он рассказал, что немцы угоняют из Коларовского района всех трудоспособных в Германию. Вешают, расстреливают... Нет, обо всем этом писать я не могу. У меня большой счет к фрицам.

Что мне жизнь, если страдают миллионы моих братьев? У нас так много накопилось в сердце ненависти, что фрицам не расплатиться. Мы люди теперь обученные, обстрелянные. Мы смотрели смерти в глаза, и смерть отошла. Сегодня нам тяжело — к чему скрывать. Но все мы твердо верим в победу, в наше оружие.

Эта вера поддерживает нас, она окрыляет.

На моих глазах умирал лейтенант Иванов, мой товарищ. Он сказал:

— Слышишь, зенитчик, не страшна смерть, обидно только, что мало я их скошил здесь, под Воронежем. Очень жалею...

Смысл нашей жизни — в грядущей победе. Иначе мы свою жизнь не мыслим. Немец выдохнется. Наш прыжок будет решительным.

Ну, простите за кражу вашего времени. Хотелось о многом написать, но не сумел. Я буду писать вам с фронта. Это вам пригодится. Можете зачислить меня своим бескорыстным корреспондентом...

Пожелаем вам успеха в работе вашей — так нужной и ценной для нас.

Примите привет от бойцов 3 зенитной артиллерийской батареей.

С коммунистическим приветом

Лейтенант Александр В л а с о в

25 июля 1942 г.

Москва, Кунцево, почта. До востребования. Лейтенанту Александру Григорьевичу Власову

<8 августа 1942 г.>

Дорогой Илья Григорьевич!

Я помню вашу прошлогоднюю корреспонденцию о том, что, конечно, плохо слушать неутешительные сводки, плохо, когда берут комнату, но есть вещи потяжелее.

Я помню, как на меня это очень сильно подействовало. Вообще вы хорошо пишете. Вашу «Книгу для взрослых»¹ я читала три раза и все еще не начиталась. Так вот у меня

к вам просьба. Сейчас во всем — и в мелочах и в крупном — все чаще и чаще слышишь, что теперь война, и потому уже и нам скоро конец. А потому и не стоит делать хорошо.

А разве это верно? По-моему, как раз наоборот. Раз война, то надо все делать еще лучше. А если уж раньше смерти умрешь — то и до победы не доживешь. Напишите, пожалуйста, об этом. У вас это должно хорошо выйти.

Большое у вас сердце и бьется оно хорошо. Я домашняя хозяйка. Сейчас работаю по четыре часа в день на дорожных работах. Мы работаем очень мало, все больше отдыхаем, никто нас не торопит и задание не объясняет. Спрашиваем прораба, а он говорит что-то невразумительное. И вообще на все как-то смотрит спустя рукава. Но от такой распушенности и вправду никакое дело не выйдет.

Я в начале войны тоже было поддалась такому настроению. Услышу утром плохую сводку — и весь день все, как говорится, «из рук валится», а теперь душой скрепилась. Услышу сводку — и говорю себе: «А я назло убирать буду, и шить буду, и штаны красноармейские постираю да и поштопаю. Не хочу умирать раньше смерти. Если у нас шпион где-нибудь рядом, пусть увидит, что мы морально крепки, несмотря ни на что».

Желаю вам успеха. Берегите себя.

Преданная вам О. Х и т р о в а

Саратов, 8 августа 1942 года

¹ «Книга для взрослых». М., «Сов. писатель», 1936 г.

5

27.8.1942 года

Здравствуйтесь, дорогой писатель и боец за дело Социалистической Родины — Илья Эренбург!

Разрешите передать вам пламенный привет от бойцов и командиров 1 гвардейской танковой роты, в которую вы зачислены почетным танкистом. Мы, бойцы и командиры, гвардейцы, с большим воодушевлением встретили ходатайство наших комсомольцев о зачислении вас почетным бойцом — гвардейцем-танкистом. Читая ваши статьи, мы все еще больше разгораемся ненавистью и стремлением как можно быстрее разбить фашизм.

Партия, правительство и советский народ, следя за действиями нашей части, за ее успехами в боях, присвоили нам высокое звание гвардейцев, и мы стараемся как можно больше уничтожить зарвавшихся гадов, этим самым ускорить освобождение своего любимого народа и овеять наши знамена бессмертной славой.

Мы будем продолжать вести «дипломатические разговоры» непосредственно через пушки, а вы будете нашим почетным агитатором, вдохновлять нас на это теплым словом через печать. При помощи печати, при помощи широкой агитации и с нашим большевистским бесстрашием мы уничтожим зарвавшихся гадов, как требует страна, народ, партия.

Мы вас будем извещать о наших боевых действиях, ибо вам приятно будет слушать, как дерутся славные танкисты-гвардейцы, в состав которых входите вы ¹.

До свиданья, дорогой Илья Эренбург, крепко жмут руку вам ваши боевые товарищи.

Военный комиссар танковой роты, гвардии политрук,
орденоносец Та б а ч к о в
Парторг танковой роты, гвардии старшина С и д е л е в
Комсорг танковой роты, механик-водитель старший,
гвардии старшина Ф а т е е в
Механик-водитель старший, гвардии старшина,
дважды орденоносец Ч м л ь

Наш адрес: Действующая Красная Армия. Полевая почтовая станция № 272. 1 танковый батальон. Военкому 1 танковой роты.

ПРИКАЗ

частям 4 гвардейской танковой бригады

21 августа 1942 года. № 0112. С(ело) Березовка 1-я

Учитывая огромную популярность писателя Ильи Эренбурга среди личного состава и большое политическое значение его статей в деле воспитания стойкости, мужества, любви к Родине, ненависти к немцам и презрения к смерти и удовлетворяя ходатайство комсомольской организации бригады, *зачислить* писателя Илью Эренбурга почетным *гвардии красноармейцем* в списки бригады, в 1 танковый батальон.

Командирам частей приказ и приложенное письмо зачитать всему личному составу.

Командир 4 гвардейской танковой бригады гвардии полковник К о п ы л о в
 Военком 4 гвардейской танковой бригады гвардии старший батальонный комиссар
 С в е р ч к о в

Начальник штаба бригады гвардии подполковник Т о в а ч е н к о

¹ Танк, экипаж которого был зачислен писатель, провоевал до конца войны и участвовал в штурме Берлина. В настоящее время бывший механик-водитель этого танка — Иван Васильевич Чмиль — живет в городе Шауляй, Литовской ССР.

6

<7 декабря 1942 г.>

Прошу редакцию газеты «Красная звезда» передать этот листок писателям Илье Эренбургу и Николаю Тихонову

Тов. Илья Эренбург и Николай Тихонов!

Простите за фамильярность!

Разрешите мне передать вам свое искреннее восхищение вашими превосходными статьями.

На ваших статьях «Наше гнездо» (И. Э.), «Ненависть» (И. Э.), «О немецком садизме» (Н. Т.)¹ и других командиры учатся ненавидеть врага и воспитывают у бойцов боевой патриотизм и священную ненависть к врагу.

Бойцы и командиры читают ваши статьи, как сообщения «В последний час», зная, что они содержат множество фактов, разящих ненавистного врага, как штыковые удары бойцов, идущих в бой за Родину.

Маяковский желал, чтоб к штыку приравняли перо.

Ваше перо наносит удары врагу прямо в сердце, изобличая его духовное ничтожество.

Хочу, чтобы такие статьи печатались миллионными тиражами и чтобы каждый носил их у себя, как святую заповедь ненависти к врагу, увеличивающую силу наших ударов.

Желаю вам здоровья и дальнейшего творчества на пользу нашей Родины и в смертельный ущерб врагу.

Комбат лейтенант Ф. М. Б о р щ е в с к и й

7.12.42.

1414 полевая почта, часть № 176

¹ Имеются в виду следующие статьи: И. Э р е н б у р г. «Твое гнездо» («Красная звезда», 1942, № 220, 18 сентября); И. Э р е н б у р г. «О ненависти» («Красная звезда», 1942, № 103, 5 мая); Н. Т и х о н о в. «О немецком садизме» («Красная звезда», 1942, № 233, 3 октября).

«СТИХИ О ВОЙНЕ»

Сборник стихотворений И. Г. Эренбурга.
М., «Сов. писатель», 1943

Титульный лист с дарственной надписью
автора И. П. Уткину, 6 июля 1943 г.

Литературный музей, Москва

Илья Эренбург

СТИХИ
О ВОЙНЕИ. П. Уткину
Друзька

Иль Эренбургу

Москва
советский писатель

1943.

Барду 1543

7

<30 января 1943 г.>

Здравствуйте, мой дорогой товарищ и фронтовой друг
Илья Эренбург!!!

С боевым красноармейским пламенным приветом с фронта!

Художественно писать не умею, но напишу, как понимаю, от чистой фронтовой души. Уважаемый Илья! Очень и очень благодарю вас за ваши статьи, которые мы с удовольствием читаем. Ваши слова живут в наших сердцах. С вашими словами мы побеждали и будем побеждать. Вы воодушевляете нас на новые и новые подвиги, и наша красноармейская семья так и живет с вашими словами. Всегда с большим интересом читаем мы ваши статьи, которые печатаются в газетах и журналах.

Однажды замполит Метелица прочитал статью. Мы ее с вниманием выслушали. Кончив читать, он спросил: «Кто писал статью?»

Мы ответили в один голос: «Илья Эренбург».

Теперь еще характерная и даже замечательная статья. Я ее несколько раз читал и спрятал в карман. Если останусь жив, домой увезу. Она называется «Год победы»¹. Вы еще раз в этой статье поднимаете дух у каждого из нас и доверяете такое ответственное большое дело — быть судьями. Ты истец, ты судья, ты мститель. Тебя облек доверием народ. Иди и суди. Иди и карай. Преступники перед тобой.

Эти слова живут в наших сердцах, их ничем не вырвешь. Они на нас очень и очень действуют...

И действительно суд идет — идет Красная Армия, идет весь советский народ на этот страшный суд, который будет жестоким приговором для вшивых фашистских собак.

Ой, не уйти им, никуда не скрыться от нашей мести, которая горит пламенем в сердцах русских людей. И горе им будет. А оно не за горами.

С тем до свиданья, мой фронтовой друг. Ты всегда вместе с нами.

Писал красноармеец Фесенко Степан Николаевич

Мой адрес: 1483 полевая почта, часть 095.
30 января 1943 г. Карельский фронт

¹ Статья «Год победы» опубликована в «Блокноте агитатора», 1942, № 14, декабрь.

8

30.3.43 г.

Дорогой товарищ Эренбург!

Мысль написать вам письмо появилась у меня не вдруг. Я «вынашиваю» ее с октября 1941 г.

Лично я с вами незнаком, но знаю вас очень давно по вашим произведениям. С момента событий в Испании ¹ вы стали мне совсем близким. Ваши замечательные работы об Испании², а затем о периоде «Падения Парижа»³ показали всему миру, что вы не только большой писатель мира, но что вы неутомимый борец, навсегда связавший свою личную судьбу с судьбой нашей великой партии (хотя, быть может, вы до сих пор организационно находитесь вне ее рядов).

Не удивительно, что в дни Отечественной войны по-новому, так ярко, с такой необычайной силой засверкал ваш талант, ваше оружие стало чрезвычайно сильно и метко разить врага. Вы, быть может, настолько не представляете себе, как выросла ваша аудитория, сколько миллионов бойцов и командиров вы как писатель своими трудами каждый день верно нацеливаете на врага. Может быть, мои слова покажутся вам преувеличением, но я попытаюсь их обосновать.

В октябре 1941 г. я был политруком саперной роты. Это были незабываемо тяжелые дни. Мы все время вели упорные бои с рвущимся вперед противником. Моя рота шла в арьергарде и прикрывала отход наших частей: устраняла завалы, минировала дороги, взрывала мосты. Мы шли долго, временами по пояс в грязи, мы выбивались из сил, нас с каждым днем становилось все меньше и меньше.

Я лично, разумеется, и тогда глубоко верил в нашу победу, но и мне было очень тяжело. Я шел рядом с бойцами и должен был у этих до крайности утомленных, выбившихся из сил людей поддерживать веру в наше дело. Над нашими головами летали тогда только вражеские самолеты, мы видели тогда только фашистские танки, мы слышали треск только немецких автоматов. Мы не могли слушать радио и не могли получать газеты. Но каждый день мы узнавали, что сдан Мариуполь, Таганрог, что оставлен наш родной Харьков. Враги нацеливали, что отходим в Сибирь.

В дни боев, в пути, на привалах я беседовал и подбадривал людей и вел их за собой. Но мне до крайности в эти дни нужна была поддержка. Ее не было, так как впереди отходили наши части, а за нами шли немцы.

В эти самые дни вы пришли мне на помощь. 29 октября 1941 г. мы зашли в село Бараново Курской области, и в одной из хат я нашел обрывок курской газеты с перепечатанной вашей статьей «Выстоять»⁴. Это было для меня огромной радостью. Эта статья мне очень помогла, и я ее берег больше года и часто вновь и вновь возвращался к ней. По моему твердому убеждению, «Выстоять» — самое лучшее, что вы написали. Это своего рода ваш «Буревестник». (...) С тех пор, где бы мы ни находились, в том числе и во время сталинградских боев, ваши статьи всегда с нами. Их полюбили бойцы и командиры и, открывая любую газету, прежде всего ищут в них ваши статьи и очерки.

Как раз к концу октября 1941 г. мы прекратили отход, несколько перестроились и с ноября 1941 г. встретились с Родимцевым и вошли в его боевой коллектив, который тогда формировался⁵. Мы стали саперами Родимцева в разгаре боев за город Тим.

О том, как саперы Родимцева тогда дрались за Тим, можно прочесть в «Красной звезде» за 11 января 1942 г. в статье капитана Олендера. Наша рота (командир Суханов) смело проникала в тыл противника, рвала его коммуникации и наносила немцам

большой урон в технике и в живой силе. Затем мы вели непрерывные бои на Курском направлении в начале 1942 г., когда весь наш родимцевский коллектив стал гвардейским. Под Харьковом саперы Родимцева снова первые бросались в бой и взламывали вражескую оборону. О героях нашей роты и батальона — гвардии лейтенанте Солодком и других, ползавших на вражеские дзоты впереди танков, можно прочесть в «Правде» за 19 мая 1942 г.

Затем наступила бессмертная Сталинградская эпопея. 140 дней и ночей родимцевцы и среди них саперы стояли здесь в городе насмерть. Стояли и *выстояли*. Это были те же люди, что отходили с боями в октябре 1941 г., что храбро дрались под Тимом, Щиграми, Харьковом. В Сталинграде они имели только больше опыта — они были старше и злее. <...>

Вот об этих простых советских людях многонационального нашего народа, сыновьях Вологды, Ярославля, Горького, Ворошиловграда, Сибири, еврейского местечка Могилевщины, казахской степи, солнечной Грузии, выстоявших и победивших, в первую очередь о саперах, о которых меньше всего пишут, я хотел вас просить написать. Они достойны вашего пера.

Для того чтобы хоть несколько помочь вам в этом отношении, я направляю вам свои записки сапера. Я их писал в блиндаже в овраге. Они нигде не печатались и имеют, конечно, ряд недостатков. Хотя они отражают не весь период боев в Сталинграде, а только некоторые эпизоды, но они, возможно, будут вам полезны. Если же вы найдете, что эти записки имеют некоторый интерес и могут с исправлениями быть напечатаны в каком-нибудь журнале или газете, прошу вас позаботиться о них и где-нибудь «пристроить».

Направляю вам также копию нашего октябрьского обращения ко всем саперам известной вам армии. Оно представляет, по-моему, некоторый интерес.

Если вас интересуют некоторые данные обо мне, авторе письма, могу для первого знакомства сообщить: я 1904 года рождения, в рядах партии с 17-летнего возраста. Все годы был на комсомольской, а затем с 1929 г. на партийной работе. В Красной Армии с первых дней Отечественной войны. С начала войны до августа 1942 г. — политруком роты, а с первых дней боев в Сталинграде комиссаром, а затем заместителем командира по политчасти саперного батальона у Родимцева. За Тим награжден орденом Красной Звезды, а за Сталинград — орденом Отечественной войны II степени. В Сталинграде и мне, конечно, малость попало. Но он всех нас закалил и подготовил к новым боям <...>

Прошу написать ответ по адресу: 907 ППС, часть 60. Мне.

С приветом И. Л е з м а н (Лезман Иосиф Самойлович)

¹ С 1936 по 1938 г. Эренбург был специальным корреспондентом газеты «Известия» в Испании.

² Имеется в виду книга «Что человеку надо?», вышедшая в 1937 г. (М., Гослитиздат).

³ Роман «Падение Парижа» впервые был напечатан в 1941 г. в журнале «Знамя». Отдельное издание вышло в 1942 г. (М., Гослитиздат).

⁴ Статья «Выстоять!» была напечатана в «Красной звезде», 1941, № 241, 12 октября.

⁵ Александр Ильич Родимцев — ныне генерал-полковник, дважды Герой Советского Союза. В ноябре 1941 г., будучи полковником, вступил в командование 87 стрелковой дивизией, которая 19 января 1942 г. была преобразована в 13 гвардейскую стрелковую дивизию. Позднее, в составе 62 армии, эта дивизия принимала участие в героической обороне Сталинграда.

Уважаемый товарищ Эренбург!

Привет и счастье вам.

Ныне служу на новом месте. И здесь, как и в 1942 г., глотаем ваши статьи. Очень уж они богаты содержанием!

Вот статья «Во весь рост»¹. После ее чтения наши снайперы решили написать вам письмо «132-х». Если у вас будет время, то дайте ответ на это письмо.

«Будем рады получить ответ писателя-агитатора», — говорят наши бойцы.

Желаю всех благ. Будьте здоровы!

Агитатор Н-ской части, капитан А. Герасимов

Р. С. Извините, что письма наши чуть небрежны, ведь эти строки мы писали в непогоду и в землянках типа «дзот» на переднем!

Полевая почта 38603-Б.

¹ Статьи И. Эренбурга под названием «Во весь рост» в центральной прессе не было По-видимому, она была помещена во фронтовой печати.

10

28.11.44 г

Привет с фронта!

Здравствуйте, дорогой т. И. Эренбург!

Я, конечно, знаю, что у вас очень мало времени, и мое письмо одно из многих сотен, которые вы ежедневно получаете на ваше имя.

Но я все же вас прошу прочесть его и принять от меня и моих товарищей по оружию наше восхищение перед вашим гением писателя-публициста.

Сегодня мы снова прочли вашу статью в «Правде» от 20 ноября 1944 г. «Освободительница». Сколько силы в каждой строке, какую ненавистью дышит каждое слово!

Дорогой т. И. Эренбург! Я сравниваю бойца, идущего в атаку и вонзающего свой штык в немца, и вас, пишущего новую статью, острей штыка которой направлено не в одного немца, а во всю гитлеровскую машину рабства и человеконенавистничества...

Между прочим, по секрету вам скажу, и не примите в обиду, потому что это пишет человек 1923 г. рождения, а вы, вероятно, прожили на свете уже больше, чем полвека, что у нас привыкли вас называть просто по-фронтовому: «Наш Илюша», и вы видели бы, с какой задухновенностью произносят эти слова бойцы и командиры.

И вот, прочтя новые ваши статьи, как, например, «Весна в октябре» или «На Берлин!»¹, они всегда восхищенно восклицают: «Опять наш Илюша немцам перцу задал!»

Вы знаете, очень много хотелось бы вам написать и о нашей жизни и обо всем понемногу, но не хочу отвлекать вас от работы и быть слишком надоедливым. На этом кончаю. Ждем с нетерпением следующих ваших статей. Еще раз привет от всех фронтовых товарищей. Очень просим ответить хоть парой слов.

Ваш Борис Г л е б о в с к и й,
лейтенант, командир радиовзвода

¹ Имеются в виду статьи: «Весна в октябре» («Красная звезда», 1944, № 264, 5 ноября) и «В Берлин!» (журнал «Красноармеец», 1944, № 17—18, сентябрь).

11

7.1.45

Уважаемый писатель Илья Эренбург!

К вам обращается через газету «Комсомольская правда» группа бойцов-комсомольцев войсковой части полевая почта 42742.

Мы хотим рассказать о том, как ваши статьи воспринимаются у нас на фронте, насколько они доходчивы до сердца каждого бойца.

Каждый день, получая газеты, мы, фронтовики, ищем в них ваши замечательные статьи. Как только в газете появляется ваша новая статья, газета проходит сотни солдатских рук. Статья читается вслух и встречает горячее обсуждение. Каждое слово, написанное вами, писателем-патриотом, врзается в сердца наших бойцов.

Смерть немецким оккупантам!
ЗА РОДИНУ

ЕЖЕДНЕВНАЯ КРАСНОАРМЬСКАЯ ГАЗЕТА
СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА

№ 30 (581) Воскресенье, 31 января 1943 года

В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС

**НАШИ ВОЙСКА ЗАНЯЛИ ГОРОДА
ТИХОРЕЦК и МАЙКОП**

30 января войска СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО фронта, в результате решительной атаки, овладели городом и крупным железнодорожным узлом ТИХОРЕЦК. Первыми ворвались в ТИХОРЕЦК соединения подполковника ШВАРЕВА Н. А. и подполковника ШЕВЧЕНКО И. А. Войска ЗАКАВКАЗСКОГО фронта овладели городом МАЙКОП. Первыми в город МАЙКОП вошли подразделениями стрелкового полка под командованием подполковника КАЗАК П. К.

СОВИНФОРМБЮРО.

**НА ПОЛНУЮ МОЩЬ
ИСПОЛЬЗОВАТЬ ОРУДИЯ
СОПРОВОЖДЕНИЯ**

В ходе Отечественной войны, в моменты боя с врагами в командном ядре наши главные артиллеристы накопили богатый опыт, выработали и применили в широком масштабе новые виды боя, в том числе стрельбу прямой наводкой.

Большую роль в борьбе с вражескими войсками, в преследовании врага имеют орудия сопровождения—45 и 76 мм пушки. Совершенная наступательная скорость орудий в лесоватых районах по всевидящей танкам и бронетанкам, позволяет и учитывать различные условия открыто и за деревьями, кустами, в окопах и в узлах коммуникаций, вблизи выходов подвальных ходов и т. д. и т. д., продолжают для танков и танков противника в производящих повреждениях и выводят.

Вот один из примеров выстрела на

**У д а р ы
штурмовиков**

28 января шестерка истребителей, которую вел тов. Волков, точным бомбометанием подожгла и взорвала вражеский склад с боеприпасами. В этот же день штурмовики нанесли удар по штабу немецкого соединения. Истребители, сопровождавшие штурмовиков, отстреливались и пожары в населенном пункте.

Диск рыцаря группа штурмовиков, которую вел майор Севастьянов, нанесла удар по коммуникациям противника. Последующее фотографирование подтвердило, что удары достигли цели. Отмечены прямые попадания в автоколонны и танки немцев в движении и на стоянках.

Группа майора Севастьянова доставила командованию ценные разведывательные данные.

И. Г. ЭРЕНБУРГ.

**ВАС БЛАГОСЛОВЛЯЮТ
РУССКИЕ МАТЕРИ**

ПИСЬМО ПИСАТЕЛЯ И. ЭРЕНБУРГА СНАЙПЕРУ
НАШЕГО ФРОНТА ГАВРИЛУ ХАНДОГИНУ

Более полутора года назад писатель Илья Эренбург вел переписку с писателем-орденоносцем дуростом Сталинской премии Ильей Эренбургом. В одном из писем снайпер сообщил тов. Эренбургу, что половину убитых им немцев он отнесит на бойцов сестры.

По просьбе редакций газет «За Родину» писатель И. Эренбург написал открытое письмо снайперу. Имя публикуем это письмо.

Дорогой товарищ Хандогин!

Я хочу вам высказать то, что чувствую, когда читаю ваши отчеты о боевом труде. Около полутора лет вы предали смерти. Вы казнили убийц и преступников. Вы освободили землю от ста пятидесяти тысяч и омерзительных существ. Вас благословляют русские матери. Вас благодарят русские девушки. От имени женщин я, писатель, хочу сказать вам: спасибо.

Постанет день, и суз всех свободных паров будет судить человечество и немцы падут. Но человеческое сердце не выдержит и оцепенеет. Россия уже выжила свой враг. Стоит прислушаться к матам, стоит спросить мать и друзей, она ответит: смерть немцам! Вы привоюте врагов России и освободите.

Вы знаете, как в украинском селе Буденновка немец Фридрих Шандт терзал и убивал девушек. Приказал залачу Фридриха Шандта зарезали вылитому. За мужа Буденновка вы убили не одного немца, и когда вы освободили Украину, вам, отважному сыбарку, скажут спасибо все ее жители.

Вы привыкли смотреть правде в глаза. Вы—судья. Вы должны все знать. Я расскажу вам о том, что произошло в селе Бельское, Смоленской области. Недавно съездили к молодому жемчужнику Анну Александровну Русакову. Она не разделяла, кивала головой. Она писала фотографии. Потом Русакову убил в бронека в выезде. Красавицей, освобождая село Бельское, вышло ее изуродованное тело. А на перепроме фронте Альберте Брунуе оказалась серия фотографий: мужа русской женщины Русаковой. Эти фотографии сейчас не только мной. Я пишу вам письмо, и я надеюсь об одном, что в мой руке вы писателю снайперу. Я знаю, дорогой товарищ Хандогин, что вы видите

не одного немца за Ано Русакову.

Нет немцев белых и красных, чистых и нечистых, кинематик и некинематик: все они отравят за совершенные ими злодеяния. Если есть хоть один советский немец, пусть его застрелят своего генерала. А вам с ними не о чем разговаривать. Они принесли на нашу землю. Они принесли нам неизлечимую горе. Полтора года они терзали наших людей. Теперь идет расплата.

Красная Армия наступит. Каждый день она освободит города и села. Немцы драгут. Они выживают свое отступление «защитной обороной»: у них на все заряды— в на шашки и на слова. У них в сердце—голая-голая. Вы его выжигаете меткой пулей—сердце неведомого вола. На Дону теоретически немцы опты. Вы, товарищ Хандогин, бьете их в рошину, но я в рошину вы скоро привоюте вторую немцевую роту.

Красавица слышала свист, что есть

Сибирь, леса и охотники. Они не думали встретиться с хорошим сабарским снайпером. Они надеялись, что вы будете бить пушного зверя, а они станут торговать в Жидкие мехам. Но сабарский снайпер Гавриил Хандогин теоретически—пушного зверя, ему не до пушного зверя, он бьет франца.

Привет чаю победы. Мы уже видели землю во вседухи и землю лари. Расцвечет наша земля. Улыбнутся наши девушки. Загорится огнями наша земля. Вы поедете домой, товарищ Хандогин. Дальней это путь—через нем, матушку-Россию. На вокзалах вы увидите, как матери будут встречать сыновей, облизывая слезами радость, как жены будут обнимать мужей. Тогда вы сможете сказать себе: «Моя вытопта сакала много!». Нет лучшей награды, вот ждала благодарной. Дорогой друг, вы спасли много русских людей. Я желаю вам сил и удачи—до конца, до победы!

Илья ЭРЕНБУРГ.

«ВАС БЛАГОСЛОВЛЯЮТ РУССКИЕ МАТЕРИ»

Открытое письмо И. Г. Эренбурга снайперу Гавриилу Хандогину «За Родину», газета Северо-Западного фронта, 31 января 1943 г., № 30

Ваша статья «Дорога в Берлин»¹ являлась отображением чувств каждого русского воина. Мы читали ее в момент нашего летнего наступления, когда мы вели бои по очищению от фашистской мрази последних районов нашей священной Родины. Ваша статья еще больше воодушевила бойцов, разжигая ненависть к врагу и желание как можно быстрее ворваться в логово зверя — в Берлин, чтоб отомстить за все злодеяния и изгнания над нашими братьями, сестрами, матерями, отцами и невестами, за неисполнившиеся мечты нашей счастливой юности. Ваши слова вошли в нашу фронтовую жизнь пословицами и поговорками. В ваших статьях мы находим отображение всех наших солдатских дум и стремлений, изложенных вами в литературной форме.

Мы, фронтовики, никогда не забудем злодеяния фашистского зверя на нашей священной земле, с такой простотой и силой рассказываемые вами в ваших статьях. Мы видели своими глазами пенелища городов, сел, изуродованных своих бойцов и командиров, плач ребенка над убитой матерью, матерей с мертвым ребенком на руках!

Нет! Мы не забудем! Мы не простим! И мы идем в Берлин свершить справедливый суд над немецким зверьем, а не для того, чтоб потом хвастаться, что мы были в Берлине.

Ведь село Азариги (Полесской обл.) было освобождено нами. Вся картина немецкого зверства была перед нашими глазами.

Мы готовы к решающим боям. Доказательством этого является боевой счет мести воинов комсомольцев: младший лейтенант Пименов убил 72 фрица, младший сержант Азизов — 25, старший сержант Аганов — 20, младший сержант Новожилов — 17, старшина Бикмухамедов — 13, красноармеец Климов — 9. Таков наш подарок к новому 1945 году матери-Родине.

И вот, представьте себе небольшую землянку на польской земле, далеко позади остались дорогие наши города и села. Здесь мы встречали в тесном кругу боевых друзей новый 1945 год — год окончательных побед над немецким фашизмом. В этих землянках мы подняли первый тост за здоровье нашего народа, за полный разгром немцев<...>

Но вот уже 1945 год вступил в свои права. К Новому году каждый из нас ждал теплого, ласкового слова поздравления от своих далеких любимых девушек. Некоторым из нас не пришли вовремя эти письма, что вызывало насмешки и шутки со стороны товарищей.

Сегодня вместе с газетами пришли долгожданные запоздавшие письма. Постепенно возник горячий спор о верности и любви. Спор разрешала ваша статья «Глазами Золушки», напечатанная в газете «Комсомольская правда» от 1.1.45 г. В ней мы нашли ответы на наши спорные вопросы. Вы смогли разрешить так просто и понятно все то, что волнует каждого из нас, молодых бойцов. Любовь и верность наших подруг. Да, именно война явилась проверкой всех чувств человека. И мы верим, что, когда мы вернемся домой, наши девушки встретят нас со всей нежностью и лаской, которыми полны их письма нам на фронт.

Заканчивая это небольшое коллективное письмо, хочется поблагодарить вас, дорогой писатель Илья Эренбург, за вашу большую пользу, которую вы приносите своими трудами, воодушевляя нас в борьбе с ненавистным врагом, пожелать вам многих лет плодотворной работы.

И в начале 1945 года мы говорим нашей стране: «Ваш приказ будет выполнен, мы водрузим знамя победы над Берлином!»

С боевым приветом к вам
комсомольцы воинской части 42742.

По поручению комсомольцев письмо подписали:

1. Кавалер трех орденов «Красной Звезды» старший лейтенант Р о м а н ч е в
2. Кавалер ордена Славы III степени старший сержант А г а н о в
3. Кавалер ордена Славы III степени младший сержант А з и з о в
4. Кавалер ордена «Красной Звезды» красноармеец Е в р е и н о в
5. Сержант, кавалер ордена Славы III степени Б о г д а н о в

¹ «Дорога в Берлин» — вероятно, имеется в виду статья «На Берлин!» (журнал «Красноармеец», 1944, № 13—14, июль).

За три с половиной года фронтовой жизни я не уронил ни одной слезинки, а вот сейчас в «Правде» прочитал «Утро мира»¹ — прослезился.

Ваша статья, уважаемый товарищ Эренбург, достала до глубины моей души, пронзила закаленную долготелней фронтовой страдой оболочку моей души.

Как я мог удержаться! Ведь вы сказали обо мне ту суровую правду, что пришлось пережить. Ведь вы пообещали мне скорую долгожданную встречу. Хотя вы меня и не знаете.

«...Мы не забудем пережитого, и в этом — порука мира. Он стоит на часах, ограждая будущее, солдат Сталинграда; он все видел, он все помнит <...>

Скоро обнимут мужья жен, сыновья — матерей. Зазеленеют поля <...> где лилась кровь и бушевал огонь. Трудно найти слова, чтобы сказать о таком счастье!»²

Уважаемый товарищ Эренбург, вы в своих статьях показали нам страдания наши, которые мы привыкли не замечать, которые казались нам обычной, нашей будничной жизнью. Вы своим метким словом воспитали, вернее, закалили в нас ненависть к врагу. Война и все вместе взятое сделали нервы наши стальными.

Вот почему я стоял. Стоял и выстоял. Три с половиной года без единого дня передышки с фронтовой полосы. Ничто не сломило моей воли. Ни при каких условиях. Ни тогда, когда лежал в карельских снегах при пятидесятиградусных морозах, отстайвая Мурманскую железную дорогу; ни тогда, когда своим телом измерил ширину и глубину Дона под свинцовым дождем злорадствующего врага; ни тогда, когда насмерть стоял под Сталинградом, когда сзади нас стеною стала Волга — русская река, — ни путь жестоких сражений от Волги до Балтики не изменили моих стремлений к победе.

Я не плакал над трупом любимого, в бою погибшего товарища — во мне сильнее кипела месть врагу. Я не отчаивался и не впадал в тоску при воспоминании о любимой в минуты уединения — меня сильнее тянуло в бой, бить, добивать проклятых фрицев. Я знал — иной дороги нет.

А теперь — свершилось. Настал час. Вижу радость на лицах. О радости пишут. Но огрубевшие чувства еще не привыкли доверять тишине.

А ваши слова в «Утре мира» сегодня задели меня за живое.

Я — это мы, гвардейцы, войны Сталинградской гвардии.

Разрешите выразить вам искреннюю признательность от гвардейцев-сталинградцев.

С гвардейским приветом

гвардии лейтенант Г. К и р с а н о в

Полевая почта 21498

¹ Статья «Утро мира» напечатана в газете «Правда», 1945, № 111, 10 мая.

² Цитата из статьи «Утро мира».

<23 января 1946 г.>

Уважаемый товарищ Эренбург!

После освобождения и приезда на Родину, оставшиеся в живых члены центра подпольной военно-политической организации концлагеря Освенцим (Аушвиц) — подполковник Петр Махура (командир 17 гвардейской танковой дивизии), капитан Герой Советского Союза Валентин Ситнов (командир 22 гвардейского авиаполка АДД) и политрук Александр Лебедев решили вас скромно отблагодарить.

В освенцимском и бухенвальдском подполье иногда приходилось при помощи наших немецких товарищей слушать радиопередачи из Москвы и Лондона. Несколько раз попадали отрывки ваших газетных статей. Как они помогли нам, поддерживали дух и совесть в самые тяжкие дни! В Бухенвальде ваша статья «Трепещи, Германия»¹ была переписана от руки и переведена на несколько языков. Она взбунтовала весь лагерь. Вас прекрасно знали французы, испанцы, немцы, поляки, чехи. А какое удовольствие доставляла нам ругань геббельсов, когда ваше имя склонялось во всей фашистской печати. Мы говорили: «Значит, наш Эренбург бьет из гаубицы в цель».

Это — не комплименты (нам не до этого), а жизнь.

С уважением к вам, по поручению центра

Ал. Лебедев

23.1.46

Москва, Редакция «Медицинский работник»

¹ Статью И. Эренбурга под названием «Трепещи, Германия» в центральной прессе обнаружить не удалось.

ПИСЬМА И. ЭРЕНБУРГА

1

Товарищу Морозову. — Полевая почта 57827.

24 октября 1943 г.

Дорогой Александр Федорович,

вернувшись с фронта, нашел ваше письмо и обрадовался ему. Рад, что у вас все благополучно.

Мне очень понятно и близко все, что вы пишете об искусстве: это мои чувства и мысли. Минутами я начинаю надеяться, что такие, как вы, вернувшись после войны, окажутся сильнее рутины и ограниченности. Минутами я сам впадаю в хандру.

Теперь приближается развязка. Я был у Киева. Немцы не те, и они быстро катятся под гору. Разорение ужасное: уходя жгут. Да и люди, бывшие под ними, как-то деформированы.

Шлю вам «Войну» 2¹. Она уже отстала от событий. Все это написано для одного дня. Для детей будут писать потом: немного правдивей и немного обманчивей — психологический реализм плюс историческая легенда.

Крепко жму Вашу руку

Илья Эренбург

¹ Илья Эренбург. Война, том 2. Апрель 1942 — март 1943 г. М., Гослитиздат, 1943.

2

Полевая почта 32167. Демину

1 октября 1944 г.

Дорогой Петр Григорьевич!

Спасибо за дружеское письмо. Вы спрашиваете, как научиться писать. Никто не научит — кроме жизни, сердца да еще любимых книг. Все писатели — самоучки. Можно научиться читать, понимать, а вот писать... Это дело дара и опыта: не только первый блин — и сто первый бывает комом.

Желаю успеха и жму руку.

Илья Эренбург

3

Полевая почта 09521-Ю. Шкилевскому

7 апреля 45 г.

Дорогой товарищ Шкилевский,

я не писал о милосердии к немцам. Это неправда. Я писал о том, что мы не можем убивать детей и старух. Это правда. Я писал, что мы не должны насиловать немок. Это я писал. В марте 1945 года я писал то же, что в марте 1942, но тогда перед нами были только немцы-солдаты, а теперь перед нами и немецкие дети. Мы должны и в победе остаться советскими людьми. Вы можете возмущаться моими статьями, это ваше право, но не упрекайте меня в том, что я изменился — я писал и в 1942 году: «Мы жаждем не низкой мести, а справедливости»¹. Всё.

И. Эренбург

ЗДЕСЬ ПРОХОДИЛ ФРОНТ

Рисунок Н. М. Аввакумова (итал. карандаш). Калининский фронт (район Великих Лук), июль 1943 г.
Собрание Г. Д. Аввакумовой, Москва

¹ Эту мысль писатель высказывал в своих произведениях, относящихся к первому периоду войны, неоднократно. См., например, статью «Второй день Бородина», опубликованную в газете «Красная звезда» (1942 г., № 19, 24 января): «Мы говорим не о мести— о справедливости. Мы не хотим расстреливать немецких учителей шестидесяти двух лет. Мы не троем двенадцатилетних девочек. Мы не собираемся поджигать немецкие музеи. Но мы знаем одно: тем, кто убил учителя Николаева, тем, кто убил двенадцатилетнюю девочку, тем, кто поджёг музей Бородина, — на земле не жить. Смертные приговоры подписаны и скреплены русским народом».

В статье «Оправдание ненависти» («Правда», 1942, № 146, 26 мая) говорится: «Не о низменной мести мечтают наши люди, призывая к отмщению. Не для того мы воспитали наших юношей, чтоб они сплзшли до гитлеровских расправ. Никогда не станут красноармейцы убивать немецких детей, жечь дом Гете в Веймаре или книгохранилище Марбурга. Мечь — это расплата той же монетой, разговор на том же языке. Но у нас нет общего языка с фашистами».

Мы тоскуем о справедливости. Мы хотим уничтожить гитлеровцев, чтоб на земле возродилось человеческое начало. Мы радуемся многообразию и сложности жизни, своеобразию народов и людей. Для всех найдется место на земле. Будет жить и немецкий народ, очистившись от страшных преступлений гитлеровского десятилетия».

«100 ПИСЕМ»

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К ОДНОИМЕННОЙ КНИГЕ

В этой книге собраны сто писем, которые я получил от читателей. Я выбрал их из тысяч: они показались мне наиболее важными как свидетельства душевного состояния нашего народа. Я не взял писем, в которых чувствуется попытка творчества, написанных «по-писательски». Я отобрал безыскусные письма и, опустив то, что относилось лично ко мне, переписал их для этой книги.

Мы все с нетерпением ждем произведений художественной литературы, которые нам покажут, как отразилась война на душевном мире человека. Некоторые разрозненные данные мы видим в повести Василия Гроссмана «Народ бессмертен» и в других

произведениях. Однако это лишь беглые зарисовки. События опережают писателя: я говорю не только о внешних событиях, но и о внутренних — о росте человека. Писатель не похож на фотографа с «лейкой». Писатель не может запечатлеть модель в быстром движении. Писатель работает, как портретист, который заставляет модель неподвижно сидеть перед ним в мастерской. Сейчас бурное время, оно похоже на горный поток, поток станет плавной рекой, отражающей на своей поверхности строения, деревья, облака. Придет время и для больших художественных произведений, которые с классической ясностью отразят героизм наших дней.

Однако нам трудно ждать, мы хотим поближе разглядеть наших современников. Мы хотим понять самих себя. Мы чувствуем, до чего мы изменились за два года. Мы тщимся понять чудо этого преобразования. Письма — это человеческие документы, акты о душевном состоянии, признания, порой более откровенные, нежели длинные дружеские беседы. Для грядущего романиста эти письма будут строительным материалом. Для нас они приметы, с помощью которых мы сможем легче распознать себя, других, наше время.

Почти все письма, собранные в этой книге, написаны на фронте, между двумя боями, написаны торопливо, карандашом, в блиндаже при свете коптилки или в окопе. На войне человек становится естественней. Близость смерти освобождает его от лукавства перед собой. Собранные мной письма прежде всего правдивы.

Авторы писем часто вспоминают о прошлой довоенной жизни. Кажется, что только теперь они поняли меру прошлого счастья. Мысли о нарушенном ритме жизни, о потере всего, заполнявшего их дни, еще сильнее раздувают ненависть к врагу. «Хорошо жили», — эти слова повторяются во многих сотнях полученных мною писем. Забыты невзгоды, мелкие обиды, забыто все случайное. Вспоминается большая, залитая солнцем дорога жизни, мирные рощи, задушевные разговоры, чистая любовь. Однако осталась позади не только мирная жизнь, остались позади и те люди, которые жили этой мирной жизнью. Фронтовики смотрят на свое прошлое с любовью, но и с некоторым отчуждением. Они знают, что 22 июня 1941 года рассекло душу на две части, что они теперь другие, что другой будет их новая грядущая жизнь.

Огромное большинство писем принадлежит молодым людям. Для них война была первым грозным испытанием. Они увидели жизнь не в ее стройном развитии, но в катаклизме, в напряжении всех страстей, в обнаженности добра и зла, благородства и низости. Нелегко перейти из родительского дома в дзот, вместо школы — оказаться в окопе. Но молодежь нашей страны выдержала испытание. Об этом говорят не только сводки Информбюро, об этом говорят и письма фронтовиков. Если на войне мы очень много потеряли, то мы обрели на войне нового и более высокого человека.

Конечно, война не та идеальная школа, о которой мы мечтали. Война нам навязана жестоким и безнравственным врагом. Война — тяжелое дело, мы ее не идеализировали и не идеализируем, мы не фашисты, для которых война высшее достижение культуры. На войне люди грубеют, они привыкают к виду крови, лишаются многих ценных оттенков, многих чувств. Но в то же время на войне люди многое приобретают. Они начинают по-новому ценить лучшие человеческие чувства. Нигде нет такой дружбы, как в окопе. Нигде не увидишь столько самоотверженности, как на поле боя.

Я помню первую мировую войну. Было и тогда много подвигов, много отваги, много жертвенности. Но не было в той войне высшего чувства, которое оправдывает пролитие крови. Тогда люди часто спрашивали себя: «Зачем мы воюем?» И никто не мог четко ответить на этот вопрос. У первой мировой войны не было сердца. Она заживо сгнила, превратившись в бездушную цель лишений. Теперь и малый ребенок знает, за что воюет наша страна. Мы отстаиваем против захватчика самое простое и в то же время самое ценное: нашу землю, наше достоинство, наше дыхание.

Любовь — вечная тема. Но что общего между Ромео и Джульеттой и проституткой и ее клиентом? Только горение сердца возвышает телесную страсть. Сожительство без любви безнравственно и уродливо. Безнравственна и уродлива война без настоящей ненависти. Ненависти нельзя научить, как нельзя научить любви. Ненависть — это испуг, это накал сердца. Война живет ненавистью, как мотор живет горючим. Нельзя сопоставить высокую испепеляющую сердце ненависть нашего народа и мелкую зло-

бу, присущую фашистам. Мы ненавидим в германской армии проявление зла. Для нас в немце собраны все низкие отвратительные свойства человека. Убивая немца, мы убиваем не только нашего обидчика, мы убиваем носителя злого начала. Об этом говорят десятки, сотни, тысячи писем с фронта: рождение ненависти было порукой нашей победы.

Письма говорят о большой самозабвенной любви к Родине. Многие понятия, бывшие до войны несколько абстрактными, книжными, стали теплыми, осязаемыми. Наши юноши жили в хорошем городе или в цветущем селе и не понимали, насколько они привязаны к родному гнезду. Только когда грозные пороховые тучи застлали землю, в сердце встали ясные видения домов, деревьев, реки, неба. В грозную первую зиму войны ленинградцы поняли, как они любят Ленинград. Когда по Крешатику прошли гитлеровские полчища, киевляне узнали всю силу своей привязанности к родному городу. Этот местный патриотизм оживил большой патриотизм, любовь к родному городу укрепила любовь к Родине, к России. Она была сильна и до войны, но это была дремлющая сила. Теперь она стала действенной, на ней покоится наша уверенность в победе.

В этой книге читатель найдет письма разных народов нашей страны. Он снова увидит, что наша дружба стала телесной спайкой, что она перешла из сознания лучших людей в кровь и в плоть каждого. Так в огне испытаний заново объединилась наша необъятная страна.

Два года — огромный срок. Да и какие два года!.. Но никто не станет рассматривать войну, как быт, как естественное существование. Для фронтовика любой день войны, любая боевая стычка новы, полны остроты. К войне нельзя привыкнуть. К войне и не зачем привыкать. Война не строительство, — это подъем, истощение, огромный сердечный костер. В редкие минуты затишья мы порой задумываемся над будущим, над той жизнью, которая раскроется перед нами после победы. Мы не смотрим на грядущее сквозь розовые очки. Мы знаем, сколько зла причинил нам враг. Мы не закрываем глаза на развалины. Мы видим могилы. Мы знаем, как трудно будет восстановить потерянные ценности, отстроить города, нагнать годы учения. И все же будущее нам кажется прекрасным: мы понимаем, что его будут строить не те люди, которые 22 июня 1941 года взволнованно слушали выступление товарища Молотова, но другие, бесконечно много пережившие, обогащенные и поражениями и победами, открывшие в себе залежи неведомых чувств, люди стойкие и мужественные, рыцари верности, подлинные друзья, любящие и благородные.

Я хочу, чтобы собранные мной письма еще больше укрепили нашу веру в нового человека. Я хочу, чтобы они родили еще большую жажду победы. От нашей воли зависит отодвинуть или приблизить победу, от нашей стойкости, от нашей смелости, от нашего напряжения.

Илья Эренбург

11 апреля 1943 г.